

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Bookmark

Bookmark

ЯНИ МАРТЕЛ

РОККАМАТИО
ИЗ ХЕЛЬСИНКИ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Кан)
М 29

Yann Martel
THE FACTS BEHIND
THE HELSINKI ROCCAMATIOS

© 1993 Yann Martel
© 2004 Yann Martel. This edition published by
arrangement with Westwood Creative Artists
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Александра Сафронова*
Художественное оформление *Андрея Старикова*

Мартел Я.
М 29 Роккаматиио из Хельсинки / Янн Мартел ;
[пер. с англ. А. Сафронова]. — М. : Эксмо,
2013. — 224 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-62955-8

«Четыре рассказа этого сборника представляют собой лучшее из моей писательской юности, — пишет об этой книге сам автор. — Они имели успех. Получили всякие премии. Рассказ «Роккаматиио» был инсценирован и экранизирован, «Вариации смерти» также имеет одну кино- и две театральные версии. Впервые опубликованный в 1993 году в Канаде, сборник был издан в шести зарубежных странах».

«Роккаматиио из Хельсинки» — блестящий дебют буковинского лауреата Янна Мартела. Книга, поражающая искренностью, накалом страстей и необычным взглядом на человеческую жизнь.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-699-62955-8

© Сафронов А., перевод
на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Bookmark

От автора

На втором курсе университета, когда мне стукнуло девятнадцать, учеба моя застопорилась. Приподнялась завеса над взрослой жизнью, обещавшей несказанную свободу, и возник тревожный вопрос: что делать с этой свободой? Я полагал, ученые степени — бакалавра, магистра, доктора — станут перилами, что поддержат меня на лестнице к успешной жизни. Но в тот год на сочинения Иммануила Канта я смотрел как баран на новые ворота, завалил две темы, и перила рухнули, открыв головокружительную бездну.

Одним из результатов сего юношеского экзистенциального кризиса стали первые творческие потуги: за три дня я накропал одноактную пьесу о молодом человеке, влюбившемся в дверь. Узнав об этой причуде, его приятель разносит дверь в щепки. Герой тотчас кончает с собой. Спору нет, это было кош-

8 Янн Мартел

марное творение, безнадежно загубленное незрелостью драматурга. Но мне казалось, будто я случайно отыскал скрипку и, прижав ее к плечу, провел смычком по струнам: пусть извлеченный мною звук ужасен, но до чего же хорош инструмент! Чрезвычайно увлекательно придумать оформление, породить персонажей и, снабдив их репликами, направить по сюжету, тем самым представляя собственный взгляд на жизнь. Впервые нашелся резервуар, в который захотелось излить всю свою мощь.

Я стал писать. Сочинил еще одну пьесу — чудовищный абсурдистский бриколаж — и переключился на прозу. Написал рассказы (все скверные), взялся за роман (ничуть не лучше) и вновь вернулся к рассказам (того же качества). Если продолжить аналогию со скрипкой, своим пикианжем я доводил соседей до белого каления. Но что-то меня подстегивало. Нельзя сказать, что передо мной замаячила литературная будущность — мысль о том, что мои каракули чем-то сродни книгам на полках, казалась нелепой. Я не считал, что понапрасну трачу время (процесс так увлекал!), но и не строил планов. По правде, я не думал ни о чем вообще, лишь рьяно трудился, как Паганини (только бездарный).

Однако мало-помалу я делал успехи. Порой удавалось извлечь красивую ноту. Я стал понимать, что в основе повествования лежит чувство. Если история не затрагивает эмоционально, она не воздействует вообще. Всякое достоверно переданное чувство — будь то любовь, зависть или апатия — оживляет произведение. Но вместе с тем история, если не хочет стереться в памяти, должна будоражить мысль. Разум, укоренившийся в чувстве, и чувство, укрепленное разумом (иными словами, *умная мысль*, которая *бередит*), — вот что было моей возвышенной целью. Когда меня осенила сия волнующая идея и искра вдохновения разгорелась в костер, я испытал доселе неизведанный восторг.

Вдохновение я черпал отовсюду. Книги. Газеты. Фильмы. Музыка. Повседневная жизнь. Встреченные люди. Воспоминания и опыт. А также тот загадочный творческий эфир, откуда неожиданно-негаданно возникают идеи. Я стал приёмником историй, которые высматривал и подслушивал. Я смотрел не в себя, но наружу, ибо в себе было скучно. Поиск доставлял истинное наслаждение, он стал моим способом познания, личным университе-

том. Ничто так не радовало, как исследование мира на предмет какой-нибудь истории.

Меж тем жил я с родителями. Вернее сказать, сидел на их шее, не заботясь о квартплате и пропитании. Подряжался на краткосрочную работу садовником, судомойкой, сторожем, не позволяя службе мешать моему перу. Меня и, слава богу, моих родителей (всякий художник нуждается в покровителях) ничуть не беспокоило, что я не прилагаю усилий для обеспечения собственной будущности; тогда (это лишь один пример) я задумал большой рассказ, можно сказать, новеллу — короче, «Роккаматтио». Он был навеян смертью приятеля, погибшего от СПИДа. Заголовок громоздок, вступление неуклюже, развитие сюжета медлительно. Но в нем была жизнь, какую ощущаешь в новорожденном младенце или страстном скрипичном соло, жизнь, от которой все вокруг свежеет, полнится надеждой и делает незряшными все труды. Когда такая жизнь трепещет в твоих руках, можно ли беспокоиться о крове и жалованье в зрелые годы?

Я рассылал свои произведения. Однажды отправил шестнадцать рассказов в шестнадцать литературных журналов. Получил шест-

надцать отказов. В другой раз послал девятнадцать рассказов в девятнадцать журналов. Два приняли. Процент успеха — пять и семь десятых. Неважно. Буду горбатиться в сочинительстве, пока не возникнет что-нибудь иное. Ничто не возникло, ничто не возникает, чему я очень рад.

Четыре рассказа этого сборника представляют собой лучшее из моей писательской юности. Они имели успех. Получили всякие премии. Рассказ «Роккаматтио» был инсценирован и экранизирован, «Вариации смерти» также имеет одну кино- и две театральные версии. Впервые опубликованный в 1993 году в Канаде, сборник был издан в шести зарубежных странах. Соседи перестали барабанить в стену и разразились криками: «Браво! Браво!» — отчего охватывал трепет. За что я был и остаюсь благодарен.

Спустя десять лет я счастлив вновь предложить читающей публике эти четыре рассказа; они слегка подправлены: обуздана юношеская тяга к преувеличениям и, надеюсь, кое-где сглажена неуклюжесть слога. Разумеется, есть и другие рассказы, но эти навсегда сохранят для меня восторженную радость премьеры.

СОБЫТИЙНЫЙ ФОН ХЕЛЬСИНКСКИХ РОККАМАТИО

Посвящается Дж. Г.

Пола я знал недолго. Познакомились мы осенью 1986 года в университете Эллис, что в Роутауне, к востоку от Торонто. Мне было двадцать три, я начинал последний курс после академического отпуска, в котором поработал и прокатился в Индию. Полу недавно исполнилось девятнадцать, он только что поступил. В начале учебного года кое-кто из старшекурсников посвящает первашей в студенты. Никаких издевок или розыгрышей, старички хотят помочь. Их прозвище «amigos» (кореша), а первокурсников называют «amigees» (корешата) — вот вам свидетельство того, насколько в Роутауне распространен испанский. Я, кореш, воспринимал своих корешат, как жизнерадостный, совсем зеленый молодец. Мне сразу глянулись спокойствие Пола, его интеллигентное любопытство и скептиче-

ский склад ума. Мы друг другу понравились и стали держаться вместе. Как старший и более опытный я напустил на себя важность мудрого гуру, а Пол внимал мне, точно юный апостол, но потом иронично вскинул бровь и выдал какую-то реплику, от которой я устыдился собственной напыщенности. Мы рассмеялись и, отказавшись от всяких ролей, стали просто добрыми друзьями.

Потом, едва начался второй семестр, Пол захворал. С Рождества его лихорадило, а к февралю одолел сухой лающий кашель. Сперва мы оба не придали этому значения. Ну, простуда, сухой воздух — наверное, дело в этом.

Постепенно ему становилось хуже. Сейчас я вспоминаю детали, на которые тогда не обратил особого внимания. Тарелки с чуть тронутой едой. Жалоба на понос. Вялость, не свойственная даже флегматику. Однажды мы поднялись в библиотеку по лестнице, которая вряд ли насчитывала двадцать пять ступенек, и остановились на площадке по той лишь причине, что Пол запыхался и хотел передохнуть. Похоже, он терял вес. Из-за толстых свитеров точно не скажешь, но в начале учебы он определенно был осанистее. Стало ясно —

что-то неладно, и мы этак вскользь о том поговорили. Я изобразил врача:

— Нуте-с... Одышка, кашель, потеря веса, слабость... Пол, у вас пневмония.

Конечно, я валял дурака, что я в том понимаю? Но оказалось — именно пневмония. На латыни *Pneumocystis carinii pneumonia* (пневмоцистная пневмония), для понимающих — ПЦП. В середине февраля Пол уехал в Торонто показаться семейному врачу.

Через девять месяцев он умер.

СПИД. Об этом Пол бесстрастно извещал по телефону. Его не было почти две недели. Только что вернулся из больницы, сказал он. Меня качнуло. Первая мысль о себе. Не случалось ли, чтобы Пол при мне поранился? Если да, то что? Пил ли я когда из его стакана? Ел из одной с ним тарелки? Я пытался вспомнить, был ли мостик между нашими организмами. Затем я подумал о Поле. Пришла мысль об однополом сексе и тяжелых наркотиках. Но Пол не был геем. Впрямую о том он не говорил, но я знал его достаточно хорошо и ни разу не подметил в нем никакой двойственности. И наркоманом представить его было невозможно. В общем, дело не в том. Три года назад, когда Полу было шестнадцать, он

с родителями на Рождество поехал на Ямайку. Попали в автокатастрофу. Пол сломал правую ногу и потерял сколько-то крови. В местной больнице ему сделали переливание. Шестеро свидетелей аварии предложили свою кровь. У троих была нужная группа. Небольшое телефонное дознание выявило, что через два года один из доноров внезапно умер, проходя лечение от пневмонии. Вскрытие показало серьезные токсоплазмозные церебральные нарушения. Подозрительное сочетание.

Пол обитал в Роуздейле, зажиточном районе Торонто. В выходные я его навестил. Ехать не хотелось, было одно желание — вообще не думать о случившемся. Ища повод уклониться от встречи, я спросил, удобно ли сейчас беспокоить его родителей. Ничего, приезжай, сказал Пол. И я поехал. Прибыл. Насчет родителей я оказался прав. Сердце кровью обливалось от состояния его родных в те первые дни.

Узнав о возможном источнике вируса, до конца дня Джек, отец Пола, не проронил ни слова. А наутро спозаранку спустился в подвал, взял ящик с инструментами и, накинув парку поверх домашнего халата, вышел на подъездную аллею, где принялся крушить машину. Хотя на Ямайке он был за рулем друго-